

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

«...НЕЛЮДИМО НАШЕ МОРЕ...»

или

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Трагикомическая притча в двух действиях.

Действующие лица

НИНА НИКОЛАЕВНА, или МАНЕФА пенсионерка, 65 лет
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, или ВОВКА слесарь, 33 лет
ФАИНА ВАСИЛЬЕВНА, или ФАЙКА его жена, 35 лет
ДИНАРА ВАСИЛЬЕВНА, или ДИНКА продавщица, 28 лет
АНВАР, или ВАНЯ ее муж, таксист, 24 лет
НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ учитель, 40 лет
ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА его жена, учительница, 40 лет

Действие этой пьесы, а вернее - грустной комедии - происходит однажды осенью, в наши дни, а все действующие лица являются соседями в неблагоустроенном доме...

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Для начала очень важна партитура звуков. Каких? Наверное, шум дождя, наверное, скрип берез... Вспомните, какие звуки присущи раннему-раннему утру осенью?

Утро только-только началось. Вернее, его еще и нет, а так, какое-то светлое пятно появилось на горизонте, осветило дом. На кирпичном полуподвале громоздится что-то деревянное, большое, с огромными окнами. И крыльцо: оно широкое, с перилами, со ступеньками.

На поломанной березе начали чирикать воробьи. Первый лучик солнца принялся ползать по выбеленному туалету с черными буквами «М» и «Ж». Потом по наклепленным сараюшкам (их подпирают поленицы неаккуратно порубленных дров). Потом по клену, стоящему у самого крыльца. Клен вздрагивает и роняет на крыльцо «вертолетики». Внутри ржавой водосточной трубы пролетел камешек и плюхнулся в воду...

А теперь - самое главное.

Когда становятся различимы многие предметы, мы видим: дом стоит в луже: ни подхода, ни выхода. Даже и не лужа это, а озерцо небольшое и посредине него стоит дом.

Последние капли дождя стукнули по крыше. Видно, что в коридоре пять дверей. Вот в одном из окон загорелся свет и ближняя к крыльцу дверь начала, скрипя, открываться. На крыльцо вышла старуха. Зевает, крестится. Боком спускается с крыльца. Хлюпнула вода.

Старуха эта - НИНА НИКОЛАЕВНА. Для краткости будем звать ее так, как зовут все: МАНЕФА.

МАНЕФА (ойкнула.) Батюшко... Что же это?.. Опеть затопило-о? Опеть што ли? Да будь ты неладна... Да язви ж твою маховку! Опеть, а? (Вылила из сапога воду.) А?! Да будь ты неладна... Опеть, а?! (Долго молчит, оглядывается то на воду у крыльца, то на двери в коридоре. Вытирает уголки губ, приводит в порядок юбку, платок. Взяла с крыльца палку. Проверила воду..

Радостно, но тихо.) Глубоко.... Опеть, стало быть... Ну вот вам, дорогие соседи.... Вот вам... Дождались... Та-ак... Полшестого где-то на часах... Та-ак... Та-ак...

Вдруг Манефа начинает блажить, кричать, что есть мочи, во всю глотку.

Ай, иже еси на небеси! Господи, спаси и помилуй меня, грешную-уюю! Господи! Отче наш, иже еси на небеси! Да светится имя твое-о-о-о! Да придет царствие твое! Господи-и-и-и!!!!...

Пауза. Манефа молчит. В окнах зажигается свет. По комнатам принялись бегать, заскрипели половицы. Распахнулась та дверь, что напротив Манефиной. На крыльцо в трусах и майке выскочил Анвар, подбежал к Манефе.

АНВАР. Слушай, с ума сошла, да? Слушай, зачем кричишь, да? Убивают тебя, да, слушай?!

МАНЕФА *(не глядя на него, задрав подбородок.)* А-у-у-у.... Да что же это, Господи-и-и.... Да за что же это, Господи-и-и?! Ай, ежи еси на небеси...

АНВАР. Слушай, я тебе говорю: с ума сошла, да?! Убивают тебя, да?! Зачем кричишь, да?!

МАНЕФА *(вытерла слезы.)* Ваня-а-а-а... Ваня-а-а... Глянь-ко, нас ить опеть затопило-о-о... Ай-яй-яшеньки-и-и... Отче наш, иже еси на небеси... Ваня-а-а-а...

Анвар что-то пробормотал, ругнулся, опрокинул ведро в коридоре, зажег свет.

(тихо.) У-у, чернозадый убивец... *(громко.)* Ай-яй-яшеньки-и-и... Ваня-а-а...

Анвар встал рядом, сунул замерзшие руки под мышки. Молча смотрит в даль. Открылась дверь его комнаты, высунулась заспанная Динкина голова в бигудях.

ДИНКА. Че там, Анварчик?

МАНЕФА *(еще сильнее запричитала.)* Ай-яй-яшень-ки-и-и...

ДИНКА. Че, говорю?

АНВАР. Да вот...

Динка не двигается.

(Зло.) Слушай, что ты на меня так смотришь, будто в первый раз в трусах увидела? Не знаешь, что, да?

МАНЕФА. Динощкя-я-я-я-а-а... Нас ить опеть затопило-о-о... Ай иже еси на небеси-и-и...

Открылась дверь в центре коридора, обитая черным дермантином. Выглянули сразу, вместе, Ольга и Николай Кудрявцевы. Глаза у них по юбилейному рублю: что, мол, тут такое? Манефа завыла еще страшнее.

Ай-яй-я-шень-ки-и-и... Ай, Господи-и-и....

ДИНКА. Яп-п-понский бог!.. Ор-рет! Чеканулась совсем? Ну?!

МАНЕФА. *(жалобно.)* Динощкя-я-я-а-а... Солнушка-а-а... Глянь-ко, нас ить опеть затопило-о-о... Опеть...

ДИНКА. *(что-то бурчит, выкидывает Анвару штаны.)* Накинься, застудишь.. Язви его в корень... *(Сама скрылась за дверями, что-то накинута на себя, вышла.)*

Появились Николай с Ольгой, маленький Васька, Фаина с Вовкой. Фаина в комбинации. (Мне почему-то кажется - в желтой.) Сверху накинута пальто. Ну, и остальные - в том же духе...

Первое появление героев очень важно. Пусть они постоят подольше, пусть их всех рассмотрят хорошенько.

Наши герои застыли, как на семейной фотографии.

Солнце осветило табличку на доме: «КРАСНОАРМЕЙСКАЯ, 80»

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

Манефа все так же потихоньку продолжает выть. Вдруг:

МАНЕФА. Вот, Динощкя-а, была бы жива твоя мамощкя-а, вот бы она поглядела, вот бы она увидела, твоя мамощкя-а... Ой-е! Ой-е!

Пауза.

ДИНКА. Ты бы еще и дедушку вспомнила бы! Что вот ты мелешь тут? Совсем уже, что ли? Гор-родит, язва! Будто моя мамочка ни разу не видела...

Манефа задавленно охнула. Тихо. Слышно, как с крыши капает вода.

КОЛЯ. (взял палку с крыльца, измерил воду до дна.) Мать честная! До дна не достаю! Вот так так! Весной, помните, меньше было...

МАНЕФА. (Коле.) Господи, Господи! Опеть, опеть! Уж десять годов живу тут, и каждый раз, каждый раз... Докель все это будет длиться, прямо и не знаю даже...

КОЛЯ. Да тихо! Чего орать-то? Каждый раз, каждый раз... Сейчас все, давайте, заплачем...

Пауза. Капает с крыши вода.

ДИНКА. (зло.) Ей бы лишь бы выть! Хоть суп пересолит, хоть таракана раздавит - ы-ы-ы-ы! - и все! Японский бог!!!

Пауза.

ВАСЬКА. Мама, я писать хочу.

ОЛЬГА. Иди в комнату, ведро поставлю... (Пошла было в комнату.)

КОЛЯ. (сердито.) Еще чего. Еще не хватало мне в комнате! Пусть с крыльца...

Забулькала вода. Все долго, внимательно следят за Васькой. Пауза. Вздохи.

ДИНКА. Зараза, как же это я не слышала, а?

АНВАР. А?

ДИНКА. Да дождя, говорю, не слышала совсем, зараза...

ФАИНА. (громко, хрипло.) С молодым мужем - не мудрено...

Пауза.

ДИНКА. (ехидно.) Правильно. Вот уж правильно, Фаина Васильевна. Верно. Ты-то со своим муженьком только и делаешь по ночам, что прислушиваешься. К дождю ли, к тому ли, что за стенкой творится. Ётирлиц, итит твою мать! Это не про тебя в песне поется: «Каждый человек нам интересен, каждый человек нам дорог! «? Во-от! Только и знаешь, что слу-у-шаешь!

Пауза.

ФАИНА. (вдруг, громко.) К чему это я прислушиваюсь?! А?! К чем это я прислушиваюсь?! А?! А?!

Воробы на березе перестали чирикать.

МАНЕФА. Ай, иже еси на небеси...

ФАИНА. Когда это я подслушивала?! Когда было такое?! А?! Нет, ты мне скажи, скажи?! Скажешь, нет?!

ДИНКА. (попяtilась с крыльца, чуть не упала в воду.) Да ты чего, Фая, чего? Че к словам-то придираешься? Уж и сказать ничего нельзя, че ты, Фая?

ФАИНА. (снова встала на место, смотрит в даль.) Вот так вот с вами со всеми надо... А то взяли моду... Ишь!

Пауза.

ВОВКА. (он в сапогах, трусах, провисшей под мышками майке.) Гадство, как же я теперь на работу-то, а? (Просипел так, что сам испугался своего голоса.)

ФАИНА. *(злорадно.)* Аа-а-а-а?! Похмелья тебе?! Вот тебе, вот тебе все похмелье! Паразитина! Вот тебе! Хлебай, хлебай из лужи, паразитина, гадина, хлебай! Все! Все! Все! *(Захохотала, пошла по коридору в комнату.)*

Ведро и банки, в бесчисленном множестве стоящие на полу коридора, дружно заблямкали. Фаина с силой хлопнула дверь своей комнаты. Пауза. Капает вода.

ОЛЬГА. *(вдруг начала говорить, как на собрании.)* Товарищи! Сколько это может продолжаться? Мы все живем как на вулкане вот уже который год! Ведь каждую весну и каждую осень наш дом, товарищи, заливается водой! Мы даже не можем выйти на работу! Ну, когда, скажите мне, пожалуйста, когда мы все - понимаете? все! - пойдем на прием к председателю горисполкома и скажем... Нет, потребуем, чтобы нас выселили отсюда! Выселили бы в благоустроенные дома с ваннами, канализацией, мусоропроводом?!

Пауза. Все молчат.

(Ольга продолжает все в том же патетическом тоне.) Не может же, действительно, товарищи, мой Николай один что-то сделать? Он ходил, да, он ходил на прием, но ему отказали! Вернее, ему пообещали в скором будущем! Но когда же, товарищи, оно наступит - светлое будущее? А?!

ДИНКА. Ой, да слышали мы уже эту историю тыщу раз... Надоела! Мой Николай да мой Николай...

ОЛЬГА. Динара Васильевна, вы неправы! Неправы! Разве мы не достойны лучших условий? Ведь из подвала *(она топнула ногой)* людей выселили еще два года назад, вода потому что бежала, не было житья...

ДИНКА. Ты-ры-пы-ры-на-ша-ты-ры...

ОЛЬГА. *(сбилась с патетики.)* Хорошо вам говорить, торгашам! Вам ваш торг все сделает! Вы уж, торгаши, все купите! А вот нам, работникам народного образования...

ДИНКА. Уй! Народное образование... Видели мы в гробу такое образование... Торгашам, торгашам... Пристала! Сама ты... *(Пошла к себе, хлопнула дверью.)*

Анвар постоял немного, пробурчал что-то, ушел за ней.

ОЛЬГА. *(кричит им вслед.)* Вот так вот всегда! Нет, чтобы взять и решить все сообща! Не-ет! Живут, как звери друг с дружкой! Как нелюди! Как изверги! Из-за того, чья очередь мыть пол в коридоре, готовы глотку друг дружке перегрызть, милые соседи! Бесстыдники!..

КОЛЯ. Ну, хватит тебе, разошлась...

ОЛЬГА. А ты вообще молчи! Размазня! Тюфяк! Никогда слова не скажет! Так вот и молчи! И в школе всю жизнь молчит! Так вот и проторчим тут всю жизнь, как не знаю где... *(Ваське.)* А ну быстро в комнату! Кому сказала?

ВАСЬКА. Я хочу кораблики пускать!

ОЛЬГА. Как дам сейчас в лоб, так будут тебе кораблики! Змей! *(Пошла с Васькой в комнату.)*

Коля вздохнул, тоже ушел. Пауза.

На крыльце остались двое - Манефа и Вовка.

МАНЕФА. *(Вовке, тихо.)* А ишшо - учительша... Какая она к черту учительша? Как робенка воспитывает? А? Дам в лоб, да дам в лоб! Вот и выйдет из него опосля убивец вроде ентого Анвара, армянина Динкиного...

Пауза.

ВОВКА. *(что-то такое издал горлом, что должно означать: «Ух, как же я хвораю-то, а?!»)*
Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-xxxx!!!!

МАНЕФА. Че вчера опеть делал, помнишь, нет ли?

ВОВКА. А чего?

МАНЕФА. Че, че! Ругалси, материлси... Вон, поленицу свою завалил... Кричал: «Мешшанства заела!».. Какая это тебя мешшанства заела? А?

ВОВКА. Не дрался хоть?

МАНЕФА. Бог миловал, ваще-то... Токо бранился шибко...

ВОВКА. Ну, это ерунда...

Пауза.

МАНЕФА. *(поджала губы.)* Хворашь?

ВОВКА. Вот тут у меня будто жаба сидит... Большая такая жаба, как в телевизоре...

МАНЕФА. Ну?

ВОВКА. И будто разевает эта вот жаба рот и все говорит: «Пи-и-и-ить!! Пии-и-ить!!! Пи-и-и-ить!!!...»

МАНЕФА. Птфу, Господи! Как че скажет, как че скажет... *(Помолчала и снова завыла тихонечко.)* Ай иже еси на небеси...

ВОВКА. Манефа Николаевна, чего вот ты воешь? От нечего делать, что ли? Ты ж бывшая стахановка, ты ж в Бога не веруешь, чего вот ты молишься? Лет сто ведь назад, поди, последний раз в церкви была...

МАНЕФА. Какая я тебе Манефа? Меня Ниной Николаевной зовут! Собирает тут разное..

ВОВКА. Зовут зовуткой, величают уткой... Это я так, любя, называю тебя Манефой... Имя старинное, красивое такое...

Пауза.

МАНЕФА. Воровка-то не подаст опохмелиться... Не подаст...

ВОВКА. У нее есть?

МАНЕФА. У нее все есть, да не подаст... У нее снега зимой не выпросишь. Как просила тогда ее, чтоб пачку маргарина принесла из своей лавки, как просила - даже и не подумала... Одно слово - шалашовка и воровка, а муж ее - чернозадый убивец...

ВОВКА. Кого он убил-то, чего болтаешь?

МАНЕФА. Ну, не убивал, так убьет. И рожа у него такая, как у убивцев, черная да лохматая... А она - воровка!

ВОВКА. Слышал сто раз! Ну, на всех ты, на всех зуб имеешь, а? Всех обсуждаешь, а? Надо же, а? И меня всяко по-разному выставляешь, Вовкой-опойкой называешь. Да мне-то что? У меня - во! *(Показал на горло.)* Старинный русский недуг!

В коридор вышла Динка, пробежала к умывальнику, подергала его за носик.

МАНЕФА. *(жалобно.)* Не-ету, не-ету, Диношькя-а, водички... Нечем тебе умыть свое белое личико, нечем, солнушка... Вчерась вот не дотумкали воды-то с колонки принести, не дотумкали... Я бы сама принесла, да не могу, хвораю-у-у-у... Не дотумкали, не дотумкали...

ДИНКА. *(зло.)* Не дотумкали, не дотумкали... Как чего скажет, как заведется... *(Убежала к себе в комнату, хлопнула дверью.)*

МАНЕФА. *(Вовке, тихо.)* Видал? Я к ней со всей душой, с радостью, а она? Ворюга! Одно слово - нету ума. Нету. На голове - шляпа, а под шляпой - голова. И эта тоже: «Товариш-ш-ши, давайте все в гори-сполком!».. Нужна ты тама, в гори-сполкоме...

Вовка тяжело вздыхает, трет замерзшие плечи руками, смотрит на лужу.

А я вот утром как встала, как пошла на крыльцо, как воды начерпнула, так вот меня страх-то, ка-ак вдарит, ну ка-ак...

ВОВКА. Не убил хоть?

МАНЕФА. А?

ВОВКА. Страх-то, говорю, не убил тебя, нет?

МАНЕФА. Дух от тебя чижолый какой... Че смурной?

ВОВКА. Угадай с трех раз.

МАНЕФА. Шибко хвораешь, что ли?

ВОВКА. Ну, сразу в точку! А?! Ну надо же, какая ты у меня сметливая и догадливая, а?

МАНЕФА. Опохмелить тебя, что ли?

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

ВОВКА. Ты чего это, Нина Николаевна? Ёутки шутить вздумала? С такими вещами шутить? Ты смотри у меня, а то ведь я парень бедовый...

МАНЕФА. Ишь, Нина Николаевна сразу... Пошли ужю. Только смотри: вода спадет - перетаскаешь мои дрова в сараюшку. Понял?

ВОВКА. Ты чего это такое говоришь, Нина Николаевна? А? Ты чего это расшутилась-то? Ну?!

МАНЕФА. Пошли ужю... Вовушко, язви его в корень...

Ушли и они. Вовка идет за Манефой неуверенно, будто готовясь к прыжку.

Светлеет. Солнце встает над лужей: красное, большое. В чьей-то комнате глупо и оптимистично заиграло радио: «Доброе утро, товарищи! Сегодня четверг, 15 сентября! Передаем последние известия...»

Вышла из своей комнаты Динка, налила в умывальник воды, принялась дзинькать носиком умывальника.

Открывается дверь Манефы, выходит Вовка. О-о, это совсем другой человек! Он встал на крыльце твердо, хлопнул себя резинкой трусов по голому пузу.

ДИНКА. Ты чего это от Манефы вышел? Двери перепутал?

ВОВКА. (куражась.) В любовницы вот ее взял, не слыхала, что ли?

ДИНКА. (умывается.) Мели.

ВОВКА. (уверенно и радостно.) Опохмелила в честь праздника затопления бывшая стахановка, а ныне пенсионер местного значения Нина Николаевна С-с-с-семенова! Манефа дорогая, а?!

Радио заиграло гимнастику: «На месте бегом - марш! Раз-два, раз-два!...»

(Вовка в сапогах, бежит на месте.) Раз-два, раз-два, раз-два!

Вода хлопнула под досками крылечка, облила его фонтанчиком грязи. Вовка отскочил в коридор, захихикал, принялся тереть колени ладонями.

Щекотно, гадство! Вот теперь я - человек! Был - кто? Кусок мяса! А теперь я - человек!

ДИНКА. Алкаш ты, а не человек! Еще и пил у Манефы, у грязнули у этой... (Умывается.)

ВОВКА. Ты ладно! Ты давай траур из-под ногтей вымывай и не выступай! Я сегодня буду выступать! (Декламирует в позе.) Вы просите песен? Их есть у меня! (Что-то мурлычет.)

Из своей комнаты вышел Васька, ест кусок хлеба с маслом.

Смотрит снизу вверх на Вовку.

ВАСЬКА. Здрасьте, дядя Вова!

ВОВКА. Привет от старых штиблет! (Зажал Ваське нос.)

ВАСЬКА. (хвастается.) А я седня в школу не пойду!

ВОВКА. (хвастается.) А я седня на работу не пойду! Ну, Вассисуалий, соплей-то у тебя сколько! Пряма как в песне: «След кровавый стелется по сырой земле!» А ну, давай, шкет, зарядку делать! Раз-два, раз-два...

Динка вышла на крыльцо. Лицо у нее мокрое. Встала рядом, смотрит на лужу.

Хочешь, Динара Васильевна, стишок тебе расскажу? «Вышел заяц на крыльцо! Почесать свое лицо! Сунул руку! Нет лица! Так и бухнулся с крыльца!»

ДИНКА. Дурак! Ребенок тут!

ВОВКА. А что я такого сказал-то? Ничего. Да этот ребенок, если хочешь знать, больше нашего с тобой знает. Не веришь? Смотри. *(Ваське.)* А ну-ка, Вася, расскажи-ка нам, как папка с мамкой детей делают?

ВАСЬКА. А я, дядя Вова, про это песню знаю!

ДИНКА и ВОВКА. *(пораженно.)* Да нуу-у?!

ВАСЬКА. Ага! *(Поет.)* «А пароход плывет, качается по волнам!

А пароход плывет все по волнам!

А в трюме матросы, матросы!

Та-ри-ра-ри-ра-ра-рам!»

А знаете, что такое «та-ри-ра-ри-ра-ра-рам?» Это вот так как раз детей и делают!

Динка и Вовка хохочут. Васька доволен.

ВОВКА. Нда-а... Ребенка учителей сразу, из тысячи отличишь! Образование - одно слово!

ДИНКА. *(отсмеявшись.)* Вова, ну как же я на работу-то, а? У нас ревизия сегодня...

ВОВКА. *(вдруг.)* А вот дашь трояк - перенесу через лужу! А?

Пауза.

ДИНКА. Ну уж, трояк...

ВОВКА. А ты чего дунала? Тут ведь, в луже-то, чуть ли не по пояс. А сегодня 15 сентября к тому же, на дворе плюс три...

ДИНКА. Ну скажи еще, что водка дорогая нынче стала...

ВОВКА. Правильно! И водка нынче стала дорогая к тому же! И холод собачий! А я вот тебя на загорбышек и - иди, торгуй, продажная душа...

ДИНКА. Ну, съюморил... Юмор у него такой, надо же..

ВОВКА. Наше дело - предложить, ваше - отказаться...

ДИНКА. Не, Вова, трояк - много...

ВОВКА. *(сердито.)* Ну надо же, до чего народ наглый пошел, а? Тебе загорелось на работу идти или мне? Или - что? Тебя ревизия сегодня ждет или нет? А то прям - расплескалось сине море в рукомойнике! Хочешь и рыбку съесть и задницу не ободрать, так, что ли? Дай трояк и все дела!

ДИНКА. Дай, дай. Дай уехал в Китай.

ВОВКА. *(вдруг серьезно.)* Вот вы все ругаетесь, а потом этими же самыми руками будете хлеб брать!

ДИНКА. Ну вот чего буровит, как поддаст - хрен поймешь...

ГОЛОС ФАИНЫ. Вовкя-а-а! Вовкя-а-а! Иди домой!! Домой, говорю! А то получишь у меня по репе-то, получишь! Вовкя-а-а! Слышишь?

ВОВКА. *(громко.)* Сейчас! *(Что-то такое показал лицом Динке: мол, решай.)*

ДИНКА. *(через паузу.)* Чего кривишься?

ВОВКА. *(яростным шепотом.)* Давай, говорю, перетащу через лужу тебя, пока меня маманхен в постель не убрала!

ГОЛОС ФАИНЫ. Вовкя-а! Вовка! По репе, говорю, по репе!

ВОВКА. Да подожди ты, я покурю! Ну, честное слово! Куда отсюда сбежишь? *(Тихо.)* Решай, Дина, решай!

ДИНКА. *(неуверенно.)* Я не покрасилась...

ВОВКА. Ну, язви твою маховку! Нашел на засранца обиход! Ну кто, кто на тебя смотрит там, в магазине-то? Кому ты, лахудра, нужна, кроме своего армянина? Покупатели на колбасу, на печенье, на водку, на конфеты, на пиво особенно смотрят, а не на тебя, ясно?

Пауза.

ДИНКА. *(шепотом.)* Ну, погоди, я оденусь...

Быстро ушла к себе. Вовка, глупо улыбаясь, стоит на крыльце.

В луже - барахтанье.

ВОВКА. Дина, Дина, сумку не мочи, Дина...

Пауза. Немая сцена.

ДИНКА. *(встала, с нее течет.)* У нас ревизия сегодня...

ВОВКА. *(выдирая сумку из рук Динки.)* Ну что же ты, Фая, кричишь так сильно? Намокнешь, Дина, пошли, что ли, на работу пора нам...

Пауза. Чирикают воробьи. Пролетела ворона, каркнула и уронила в воду помет.

Ну вот-те и *(говорит одно слово):* «Здравствуймамавозвратилисьмыневсе».

Пауза.

ДИНКА. У нас ревизия сегодня...

ФАИНА. *(кричит.)* Да будь ты проклят, придурок! Что творишь?! Что делаешь?! С кем ты связался, с ке-ем?! С этой лахудрой размалеванной?! Позоришь меня перед людьми?! Да чтоб вам обоим, гадам проклятым! Гады-ы-ы!!!!!!

Пауза. И вдруг Динка страшно заревела.

ДИНКА. Яп-п-п-пон-н-ск-ки-и-иййй бог-к-к-к!!!! А-а-а-а-а-а-а!!!!

Пошла было к крыльцу, по пояс в воде. Поплыла даже. Потом вернулась к Вовке, который стоит на сухом, стукнула его два раза кулаком по голове, вырвала сумку

Ах ты, гадина! Да чтоб тебе... И муж твой полудурок, такой же, как и ты... Алкаш подзаборный... Да чтоб вам всем провалиться!!!! Связалась с дураками!!! А-а-а-а!!!! *(Забирается на крыльцо.)*

Фаина завизжала поросенком, бросилась к себе, захлопнула двери, продолжает вопить что-то. На крыльцо выскочили все. Вытащили плачущую Динку. Анвар увел ее. Вовка дрожит от холода на другом берегу. Все хмыкнули, ушли. Одна Манефа стоит.

МАНЕФА. *(кричит.)* У-ух, дурень! Вот и стой там! Думала, что ты нормальный, а ты - дурень! Свинья всегда грязи найдет! У-у-ух!...

ВОВКА. Поговори мне еще там! Я вот доберусь до тебя! Доберусь! Еще! После! Потом! Поговори мне!

МАНЕФА. Ага, ага! Вода льдом возьмется, так приходи в гости! У нас тут дураков не хватает! *(Ушла к себе.)*

Пауза. Вовка дрожит.

ВОВКА. Картина Репина «Приплыли»... *(Пауза.)* Не май месяц, однако. *(Пауза. Фаина кричит в своей комнате, Динка в своей.)* Ну, блин, расплескалось сине море в рукомойнике... *(Пауза.)* Я шаяю, как шпала...

На крыльцо вышли Васька и Коля. Коля закурил. Васька незаметно от отца взял щепку в рот. Тоже «курит», по-мужски, как отец.

КОЛЯ. *(кричит.)* Ну, что? Как там в тревожном вашем мире?

ВОВКА. *(дрожит.)* Еще и учитель, блин...

КОЛЯ. Любопытный вопросик, Владимир, к тебе имею! Вот почему ты не переправляешься? Чьего гнева ты боишься больше? Гнева супруги своей или гнева представительницы торговой сети? А?

ВОВКА. Еще и учитель, блин, гад... Еще и издевается, блин, зараза... Кудрявсов Коля, блин, гад...

КОЛЯ. *(декламирует.)* Остров на море стоит! Кораблю пристать велит!

ВОВКА. *(бормочет.)* Погоди, погоди у меня... Вот я вернусь, поговорю с тобой, падла...

КОЛЯ. *(дурачится.)* Ой вы гости-господа, куд-куда вы, куд-куда?

Вырвалась из своей комнаты Динка.

ДИНКА. *(ревет.)* Только приди сюда, гад! Только приди сюда! Получишь вот у меня по репе! Так получишь, что и не втанешь! *(Пошла к себе.)* У нас ревизия сегодня, ревизия, блин...

КОЛЯ. *(хохочет.)* Ну так чьего гнева больше всего ты боишься? Скажи, ну, скажи, Владимир?

ВОВКА. Гад..

КОЛЯ. Переправа, переправа... Берег левый, берег правый...

Пауза. Вдруг Вовка разбежался, кинулся в лужу, идет по ней с поднятыми руками, кричит:

ВОВКА. Ах ты, колумбарий ты мой, дорогой и любимый! Да куда же я без тебя?! Иду сдаваться! Мама! Ох! Фая! Фаина Васильевна! Дорогая! Мама! Ай! Ох! Ах!

Коля хохочет, Васька тоже. Вовка влез на крыльцо, трусы и майка прилипли к телу. Погрозил Коле кулаком, подхватил сапоги, побежал по коридору, оставляя мутные следы. Фаина вдернула его в комнату и начались вопли. Вышла Манефа.

КОЛЯ. *(хохочет.)* Во-от! Как потом напишут в учебниках: «Третья мировая война началась 15 сентября!»...

Большая пауза. Коля курит, слушает крики. Манефа тоже.

МАНЕФА. Так вот его, так, так... Давно пора... Вчера ведь только опеть нализалси... И что за человек такой, прости Господи...

КОЛЯ. Нда-а... Весело тут у нас! Ах, денек-то как хорош! Ну и хорош! *(Мечтательно поет.)* Раскинулось море широко! И волны бушуют вдали! Товарищ, мы едем далеко! Подальше от этой земли!..»

МАНЕФА. Ой, подальше бы от этой земли уехать бы, подальше! И что за люди такие, что за люди... Прямо зла на них не хватает...

Вопли смолкли. Коля сидит на табурете, курит. Большая пауза.

ВАСЬКА. *(«считается» с отцом.)* «На златом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой? Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей!» *(Коля улыбается.)* Ну, кто, папка? Ну, кто?

КОЛЯ. Как - кто? Царь!

ВАСЬКА. Ну какой ты царь?

Манефа вынесла на крыльцо самовар.

Тетя Нина, а че вы делалете?

МАНЕФА. *(с готовностью.)* А вот, Васенька, чайку хоть попить надо, что ли... Сходи, Васенька в мою комнатку, там должен быть на столике у меня заварной чайничек стоять... Только вот боюсь, как бы не распаялся самовар-то у меня, токо-токо на четвертинку воды у меня, вот боюсь... Вчерась вот не дотумкала сходить за водой на колонку, не дотумкала...

Пауза. Коля скрипнул табуретом, ушел в комнату. Вернулся с ведром воды, без разговоров влил его в самовар Манефы.

МАНЕФА. *(опешила.)* Вот спасибо, Коленька, вот спасибо... Выпьем, стало быть, вместе тепер чайку, попьем вместе.. стало быть, пошвыркаем...

Коля снова ушел в комнату, вынес на залитое солнцем крыльцо небольшой столик.

КОЛЯ. *(смеется.)* Как купцы будем... Как купцы у своего пруда... Сначала искупались, а тепер чай будем пить..

Пришла с табуреткой Ольга. Постелила на стол салфетки.

Стукнула в комнату Динки.

ОЛЬГА. Дина, иди чай пить, простудишься... И Анвара давай, зови...

ДИНКА. *(открыла двери.)* Какой чай? У нас в ведре на доньшке...

КОЛЯ. Иди, иди! Тоже ведь, поди, голодные!... У нас есть, иди!

Динка ушла. Несет тарелку конфет. Шоколадных, конечно же. Села, глупо улыбается. Она в шапке, валенках, длинном старом пальто. Манефа суетится. Фырчит самовар.

Ах, денек-то! Прелесть какая!

МАНЕФА. На мой самовар народ собирается, надо же! Попьем чайку! Попьем ладком, да посидим рядком!

ОЛЬГА. *(тоже что-то принесла из комнаты, поставила на стол; Динке:)* Замерзла?

ДИНКА. Ага. Немножко.

ОЛЬГА. Нет, ребята, вопрос с горисполкомом надо все-таки решать! Ну, что же это такое, скажите мне на милость?

КОЛЯ. А решай - не решай, пока вода не спадет - будем сидеть и куковать. Знаешь, есть такая поговорка: «Жить у воды». Про спортсменов-воднолыжников. Даже статью с таким названием я читал в городской газете, в «Вечерке»: «Жить у воды! «Мол, они постоянно должны жить у воды, постоянно тренироваться...

ОЛЬГА. Да при чем тут тренироваться? И кто тут у нас должен тренироваться?

ВАСЬКА. Я!

ОЛЬГА. Помолчи! Я говорю о нас, живущих...

КОЛЯ... живущих у воды!

ОЛЬГА. Тогда уж лучше - в воде! Так вернее будет!

ДИНКА. *(выпила чашку чаю.)* Ух, хорошо! Малины бы вот сейчас - и никакая простуда не возьмет меня!

МАНЕФА. Сейчас, сейчас, сейчас! *(Побежала в комнату, принесла банку с малиновым вареньем.)*

Динка глупо улыбается. Ольга и Николай смеются.

ДИНКА. Где этот малгожар? *(Оправдывается.)* Тоже ведь простудиться может, паразит... Не смотри, что он весь насквозь проспиртованный... Помрет, а я потом реви на его похоронах... *(Гаркая валенками, пошла в комнату Фаины, стукнула в дверь.)*

Фаина встала на пороге в боевой стойке.

(Мирно.) Фая, пойдете чай пить... Тоже ведь голодные...

Фаина захлопнула рот, глянула на компанию, расположившуюся на крыльце.

ФАИНА. Ну дык... Оденусь вот...

КОЛЯ. Иди, иди! И Владимира зови, ему покрепче нальем!

Все смеются. Вышел Вовка, одетый. Молча сел у стола. Вышла, одевшись, и Фаина. Все долго, молча, сосредоточенно пьют чай. Большая пауза.

ВОВКА. *(вдруг сказал протяжно, потрогав синяк под глазом.)* Нда-а-а-а!!!!

Общий хохот, оживление.

ДИНКА. *(смеется.)* Пей, дурень, чай, простудишься!

Вышел заспанный Анвар.

КОЛЯ. Анвар, иди к нам, чай будем пить! Давай, давай!

МАНЕФА. Ванечку-то, Ванечку в десятый раз уже сегодня будим, в десятый раз!..

Общий хохот, оживление, разговоры: «Наливайте! Берите! Угощайтесь! Ешьте!» Добрая семья, да и только...

ФАИНА. *(ест.)* Я вот в прошлый год в театр ходила... Ух, как здорово! Так вот мне этот артист понравился... Как его? Я вообще-то больше люблю артистов балетов. а тут этот был... Ну, как его? Не помню фамилии... Да Клеонта он еще играл, ну?

АНВАР. Клиента?

ФАИНА. Да это у вас, у таксистов, клиенты, а там - Клеонт был, герой такой, ну? Да к чему это я?

ВОВКА. *(смело.)* Да не мели ты! Интеллигенция! По театрам она, по клиентам шастает! Я что хочу сказать, робя! Хорошо сидим, а? Может, за бутылочкой сбегать?

ДИНКА. *(вытерла под носом.)* Сиди! Ты вон один раз уже сбегал сегодня!

Все хохочут.

ВОВКА. *(перекрывая шум.)* Не, братва! Хорошо сидим! А? Ну, давайте, споем, что ли? *(Запел.)*

«Нелюдимо наше море!
День и ночь шумит оно!
В роковом его просторе!
много бед погребено!
Буря, ветер, ураганы!
Ты не страшен, океан!
Молодые капитаны!» *(стучит себя в грудь.)*
«Поведут наш караван!
Лейся, песня, на просторе!
До свидания, жена!
Штурмовать далеко море!
Посылает нас страна!...»

Кто-то подхватил песню, кто-то смеется над молодым капитаном, который свалил в кучу две песни...

Стой, братцы! Стой! Стойте! Что я хочу сказать! Речь, робя! Речь, робя, хочу сказать! Слушайте! Вот вы помните, когда был потоп? Ну, то есть, всемирный потоп, да? И вот Ной собрал всех на плот! Ной - мужик был такой! Ну, Ной, ну, звали его так! Собрал он всех - каждой твари по паре! Вот как нас, соседей! Все мы такие разные!

ФАИНА. Ты кого это тварями называешь? Совсем уже, что ли?

АНВАР. Они еще все потом попали на Арарат!

ВОВКА. Не, братва, робя... Вы понимаете... Что вот, понимаете... Вот так и мы, как и они! На плоту! Или как на корабле!

КОЛЯ. Ну хватит, хватит, слушайте!

Все что-то кричат.

ВОВКА. *(Динке на ухо.)* Динка, ну, троячок я сегодня не заработал - это факт. Так хоть рупь пейсят дашь?

ДИНКА. *(смеется.)* Дам!

ВОВКА. *(поет.)* «Вспоминаю о любимой у послушного руля!...»

КОЛЯ. Да тихо вы все! Слушайте, а где наш Борис Анатольевич?

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

ДИНКА. *(отмахнулась.)* Да спит, наверное!

КОЛЯ. Ничего себе, спит... Ничего себе спит... Ничего себе... Тут такой бедлам стоит, что мертвый поднимется...

Пауза. Все поднялись.

ОЛЬГА. Мертвый????!!!

Все подошли к дверям Бориса Анатольевича. Коля стучит.

КОЛЯ. *(тихо, но настойчиво.)* Борис Анатольевич? Борис Анатольевич? Борис Анатольевич? Вы меня слышите? *(Снова стучит.)*

МОЛЧАНИЕ. ТИШИНА.

Все медленно отодвигаются от двери.

Коля вышел в центр.

Так он... стало быть... наверное... возможно... значит... того?! Умер!?!?

*ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС*

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Та же картина. Те же люди. Те же позы.

КОЛЯ. *(Стучит в дверь.)* Борис Анатольевич? Борис Анатольевич? Вы меня слышите?
(Выходит в центр.) Так он... стало быть... возможно... значит... того?! Умер?!?!

БОЛЬШАЯ ПАУЗА

ОЛЬГА. Да постойте вы горячку пороть! Что это такое, в самом деле? Кто видел, что он вчера домой вечером проходил?

ДИНКА. Я видела...

КОЛЯ. И я видел... Уже часов в одиннадцать я покурить выходил... Вечером...

ОЛЬГА. Ну-ка, постучи, постучи еще раз! Посильнее!

Долго все вместе стучат в дверь. И вдруг вздрогнули от вопля Манефы.

МАНЕФА. Ай-яй-яй! Боренька-а-а наш дорогой! Ай, Боренька-а-а наш бедны-ы-ы-й!

Все зашикали на Манефу.

ДИНКА. Да что ты сегодня как с ума сошла? Воеет и воеет, честное слово!

МАНЕФА. Дык ведь помер... Помер наш дорогой... Помер наш единственный... Помер наш родненький...

ФАИНА. Нашла родненького! Какой он тебе родненький!

КОЛЯ. Надо дверь взломать!

ОЛЬГА. Не вздумай! Ты что? Тебя же потом и посадят! Обвинят Бог знает в чем!

КОЛЯ. Да что ты болтаешь? Кто? Что? В чем?

ОЛЬГА. У него же там вещи, всякое разное барахло, еще что-то! Ты что? Скажут - мы украли!

МАНЕФА. Надо, надо быстрее дверь-то взломать, сломать, пока не видел никто. У него ведь родственников нету, а мы бы все разделили по-соседски, все вещички... Разобрали бы. Надо, а то придет милиция...

КОЛЯ. Да что вы такое говорите? Глупости всякие! Вещички! Человек умер! Ему помочь надо!

ВОВКА. *(он молчал до сих пор, вдруг.)* Мертвому припарки не помогут...

ИСПУГАННАЯ ПАУЗА.

ДИНКА. Дак все равно надо что-то делать...

ВОВКА. *(грозно.)* Сиди и кукуй, пока вода не спадет! Или - что? Или труп на себе будем тащить через лужу? А?!

МАНЕФА. Спаси-сохрани, Господь Батюшка!

ФАИНА. Отмаялся... *(Заплакала.)*

ВОВКА. С чего это ты взяла, что он маялся, с чего? Жил, как все живут! *(Грозно.)* Только вот эта Манефа не давала ему житья! Да?!

МАНЕФА. Не ври, страмец, не ври, страмец, ватаракша, мазурик, не ври!

ВОВКА. А-а-а! Не ври?! А не ты ли хотела его на себе женить? Не ты ли позавидовала, что он цветной телевизор себе купил? Нет, скажешь?

МАНЕФА. Страмец, страмец, че врет, че врет! Господи, накажи его, накажи его! Разрази его гром!

Динка заревела.

ДИНКА. Мамочка, покойником запахло, я боюсь, боюсь!

ВОВКА. Прекратите! Он еще не успел начать разлагаться!

Пауза.

ФАИНА. (брякнула.) Дак вода еще неделю вдруг простоит, тут ведь все провоняет...

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

ОЛЬГА. Что вы болтаете? Что вы болтаете тут такое? Вы думайте, что вы говорите! У меня ведь тут ребенок, он все видит и слышит честное слово, что вы такое говорите?

Пауза.

МАНЕФА. Дак надо взломать комнату-то.. Сейчас придут и опечатают...

ОЛЬГА. Правильно, квартиру опечатают, потому что это называется: «Вымороченное состояние». Ну, если нету родственников... Мне рассказывали, что был, был такой случай...

МАНЕФА. Вот и я говорю, что надо разделить все по-соседски, а то придут сейчас и опечатают...

ВОВКА. Ага, придут! Приплывут!

ОЛЬГА. Какой кошмар!

ВОВКА. Вещи продадут через комиссионку, а десять процентов - райисполкому. У нас в ЖЭКе был такой случай...

ОЛЬГА. Слушайте, а на какие деньги его будут хоронить? У него ведь нету никого родственников?

ВОВКА. Нам надо будет сброситься... Рублей по пийсят...

ДИНКА. Ага! Мы что деньги - куем?

ВОВКА. Ай-яй-яй! Как тебе не ая-яй-яй? Ты ж ему должна сто пийсят рублей, ты ж занимала у него недавно на зимние сапоги! Как же так?

ДИНКА. (кричит.) Когда это? Ничего я ему не должна не была! (Запуталась.) Вы про кого это, а? Отдала я ему все! Что ты врешь? Отдала я!

ВОВКА. Так брала или отдала, что-то я не пойму?

ДИНКА. Не брала и не отдавала, понял? Ты меня на испуг не бери, понял? Алкаш!

ВОВКА. Господи! Вырви ей грешный язык! Грешный и наглый, как танк!

ДИНКА. Граждане! Анварчик! Скажи ему, что я ему все отдала! И не брала у него ничего! Слышишь? Ну, что же ты молчишь? Анварчик? Скажи ему! Скажешь или нет? Скажешь?

Анвар покачал головой, махнул рукой, ушел в комнату.

ВОВКА. Даже муж от тебя, бессовестной, отвернулся! От мерзкой лгуньи! Бессовестная!

ФАИНА. Бессовестные люди! Бессовестные! Бессовестные!

ДИНКА. Не трогайте меня! Какого черта вы ко мне привязались? Какого черта вы лезете, куда не надо! Да пошли вы все...

Хлопнула дверь. Николай унес стол. Ольга что-то взяла. Все всё быстренько растащили. Опять встали на крыльчке. Враги теперь. Фаина и Манефа плачут.

ФАИНА. А правда, как его хоронить будут?

МАНЕФА. У меня денет нет.

ВОВКА. Он человек был или кто? Будут... Не «будут», а «будем»! Все вместе будем хоронить! С почетом, с цветами, с подушечками!

МАНЕФА. А подушечки-то пошто?

ФАИНА. Ты чего это завелся, чего разошелся, придурочный, запалочный? У тебя откуда деньги-то? Ты че орешь-то? А?! Я тебя, дурака, спрашиваю, ну?!

ВОВКА. Я не я буду, если его не похороню!

ФАИНА. Ах, ты не ты?! Ах, ты не ты?! Ты не ты, да? Ну, слушай, я тебя, дурака, знаю: натворишь делов, а я потом расхлебывай! Вот что: хватит! Вот тут ты мне стоишь! Все! Хватит! Конеч! Зачем только живу с тобой, ненормальным - не знаю! всю жизнь мне искалечил, паскудина! Все! Развод! Развод! *(Пошла к себе, быстро начала выкидывать в коридор какие-то тряпье, Вовкины манатки, чемодан.)*

ОЛЬГА. Слушайте, прекратите! Как вам не стыдно? Это что такое? Идите к себе и разбирайтесь там в своих делах, нас не впутывайте! Как не стыдно! У меня ведь тут ребенок! Он все видит!

ФАИНА. А ты вообще заткнись! Не твое дело! Ты вон за своим полудурком следи и разбирайся с ним!

КОЛЯ. Но-но, полегче!

ФАИНА. А с тобой, дружище, вот такой будет разговор: все! Конеч! Иди, иди, хорони! Переплывай на тот берег, иди, хорони! Иди, захоронись в дугу! Падла! *(Не знает, что еще сказать, как последний довод:)* Атомный взрыв, вот ты кто! И сука в рваных ботах!!!! *(Ушла к себе, зарыдала.)*

Ольга и Николай тоже ушли. Вовка сел на чемодан, вздыхает.

ВОВКА. *(тихо.)* Как ты мне надоела, дура запалочная... За что я только тебя люблю, заразу такую - не знаю... *(Вышла Манефа.)* Возьми пока манатки к себе... Куда я их?

МАНЕФА. Щас! Чтоб встрять промеж вами! Уж вы сами разбирайтесь! Не знаю я будто твою гидру! *(Пауза.)*

ВОВКА. Слушай, а ты была хоть раз там, в крематории? Манефа Николаевна? Была? А?

МАНЕФА. Где-е-е?

ВОВКА. Ну, где сжигают-то?

МАНЕФА. Ну?

ВОВКА. Хочешь, я тебе расскажу, как все это будет? Вот, привозят тебя в гробу и ставят на каталку. На каталку, чтобы было удобнее потом в печь везти. За день-то штук сорок гробов привезут, всех на каталку и в печь - на газ. Газ включают и пошло - поехало! Потом остаются только гвозди от гробов и золотые зубы, у кого они есть. У тебя есть золотые зубы? Ну-ка, открой рот? Ну-ка, открой?

МАНЕФА. Птфу, птфу на тебя, страмец! Ватаракша!

ВОВКА. Не открываешь, значит - есть. Ну, это опосля, в печку-то. А сначала, стало быть, привезли тебя, поставили на каталку... Я знаю, я сам там был, по сантехнике. Поставили на каталку. Все стоят, плачут. Ну, это так, для виду, конечно. Всеми командует такая женщина в черном костюме. Нотариус. Такая, знаешь ли, легкого поведения. Но глаза натерла, как будто бы ей тебя жалко, будто бы ты для нее - свет в окошке. Вот она всех выстроила... И все на мужиков: зырк! зырк! Подмигивает, конечно. Мол, приходи ко мне на поминки в постель. Ну вот. Выстроила она всех, воздух освежителем побрызгала, чтоб не так сильно пахло, музыку включила... Такую, знаешь ли, страхолюдную музыку... И говорит всем....

Вовка вдруг встал, начал вещать загробным голосом, во всю глотку.

Перестало! Биться! Сердце! Человека! Гражданина! Союза Советских! Социалистических! Р-р-р-республик!!!

Из всех дверей разом выглядывают перепуганные лица соседей.

Вовка продолжает вопить.

Встанет солнце! Распустятся цветы! Будут играть и веселиться дети! Будет прекрасно и великолепно на всем белом свете! Будет мир и дружба между народами всех стран! Но ее, дорогой и любимой нашей Нины Николаевны, известной в народе, как Манефа, не будет с нами в этом прекрасном дне! Всю свою сознательную жизнь прожила она очень-очень плохо - добра не сделала никому! *(Хихикает.)* Одно только доброе дело сделала она однажды в жизни: Владимира Николаевича, соседа, опохмелила! *(В том же тоне.)* Но даже того же замечательного человека, замечательного и великолепного гражданина и соседа Владимира Николаевича, она не раз и не два в интимных беседах со своими ненавистными соседями называла не иначе, как «Вовка-опойка», и даже склоняла его в интимной беседе к тому, чтобы он перетащил ее ненавистные дрова к ней в сараюшку! Она нагло издевалась, товарищи, над его старинным русским недугом! И так далее, и так далее, и тал далее! *(Без перехода.)* Трата-та-та-та-та-та! Сказал кочегар кочегару!

ФАИНА. Сдвинулся...

ВОВКА. *(вопит.)* А теперь, дорогие соседи, подойдите к телу покойной и сделайте все, что вы считаете нужным при прощании! Но прежде я расскажу вам, как умерла жена Мичурина: она полезла на вишню за укропом, а оттуда упала дыня и убила ее!!!

ДИНКА. Вова, тебе плохо? Может, тебе укольчик поставить?

ВОВКА. Уйди от меня со своим СПИДом! А сейчас, дорогие соседи, поскольку вы все в сборе, следующий номер нашей программы! Сообщаю вам следующее, хотя мне и попадет за это от моей любимой и глубоко уважаемой жены Фаины Васильевны! Фаина Васильевна! Прости подлеца! Бля буду - больше не буду! Дорогие соседи! Вчера в интимной беседе с незабвенным нашим соседом Борисом Анатольевичем я занял у него 15 рублей! Прости, Фая! И он мне сообщил на ухо, что как только ему пришла седина в голову, так тотчас же его толкнул бес в ребро! И он по великому секрету сообщил мне и показал билет на поезд в другой город на одиннадцать сорок вечера! Борис Анатольевич поехал в этот другой город, чтобы совокупиться там со своей любовницей! Вот так вот, дорогие товарищи! Остается невыясненным только один вопрос: кто же вчера был выпивший - а, товарищи? Я или вы все?

Пауза.

МАНЕФА. А милиция?

Все вздохнули, вышли на крыльцо.

КОЛЯ. Ну, что же ты сразу, вчера еще не сказал? Или вот сегодня?

ОЛЬГА. Ну и шуточки у тебя, Владимир, ну и шуточки... Надо прямо сказать - не смешные! Да, не смешные! Как не стыдно! У меня ведь тут ребенок - он все видит и слышит!

ДИНКА. Дак все в порядке, что ли?

ВОВКА. *(передразнивает.)* Дак все в порядке! Что скуксилась? Сто пийсят рублей отдать придется, вот что!

ДИНКА. Ну и отдам. Тебе-то что?

ВОВКА. Во-от! Выяснилось, товарищи соседи, что все ж таки она должна ж ему деньги! Вот так вот все выяснилось! А то ведь отпиралась! Знаешь, про таких, как ты говорят: «Легкое поведение!» Даже, я бы сказал: «Наилегчайшее!» И еще неизвестно, если бы он на самом деле умер...

ДИНКА. Да заткнись ты! Разорался тут! Японский бог! *(Ушла к себе, хлопнула дверь.)*

Анвар покачал головой, тоже ушел.

ВОВКА. *(кричит.)* Вот так вот! В рот и в нос насуют и натолкают за правду-матку! Ключка сама! Легкое поведение, вот ты кто!

ФАИНА. Иди, иди уже, горе мое... *(Схватила Вовку, толкает его в комнату.)*

ВОВКА. *(кричит.)* Теперь я про вас, дорогие соседи, все знаю!! Все-о-о-о! Я нарочно, специально провел психологический экскримент-эксперимент и теперь вот понял, что вот помру я... *(Вопит.)* Перестало-о-о-о биться-а-а сердце-е-е человека-а-а!!!

Фаина подобрала Вовкины манатки, затолкала-таки Вовку в комнату.

КОЛЯ. Хроник! В дурдом его надо сдать! На Агафуровские дачи!

ОЛЬГА. Не говори! Нервы он мне, все нервы истрепал! И при ребенке! При ребенке! *(Ваське.)* Иди в комнату!

Еще раз облегченно вздохнув, все ушли. Осталась одна Манефа. Она заглядывает в замочную скважину двери Бориса Анатольевича, зачем-то ковыряет ее пальцем. Вышла Динка. Манефа отпрыгнула от двери.

ДИНКА. Ну, что там видно? Что еще надо? Ведь сказали, ясно сказали, что живой он, живой! Да еще какой живой - к любовнице уехал! Какие люди бессовестные на свете есть - ужас! Вот уж точно говорят: седина в голову - бес в ребро...

МАНЕФА. *(грустно.)* Он - лысый...

ДИНКА. Ну, тем более! *(Меряет палкой дно.)* Нет, не уходит вода, а? Ну, жизнь подколodная! Жизнь прямо как в сказке: чем дальше - тем страшнее...

МАНЕФА. Какая ни есть, а все - жизнь...

ДИНКА. Чего?

МАНЕФА. Да испугалась я, как сказали, что он умер. Думаю, а кто же его хоронить - то будет, бедного...

ДИНКА. *(усмехается.)* Да чего врать-то, чего шваброметром прикидываться-то? Чего под шланг работать? Ты бы и хоронила! Ты же ведь набивалась ему в жены... Не так, скажешь?

МАНЕФА. *(виноватясь.)* В какие жены в таком возрасте? Так, чтоб вдвоем просто... Вдвоем, вроде бы, не так скучно век коротать...

Пауза. Манефа вздыхает.

Никогда в ум не шло, а кто же меня хоронить-то будет, как преставлюсь, а сѣдни что-то зацарапало...

ДИНКА. *(никогда с ней Манефа так не разговаривала; ошалело:)* А? Про че?

МАНЕФА. Зацарапало, говорю, по сердцу! Как услышала, что он, вроде как, умер... Никто меня не обмоет, никто не поплачет надо мной... Вот Борис Анатольевич помрет, так полюбовница его что-нить сделает... Откуда она только взялась, язвы ее... А я? *(Заплакала.)*

ДИНКА. Чего это... с вами?

МАНЕФА. *(рыдает.)* Пошто меня никто не любит!? Пошто меня все ненавидят?! Пошто вы мне все назло делаете?! Пошто я никому не нужна?! Вот и ты хоть, Дина: что я тебе вот такого плохого сделала? Ну, ворчу, ворчу! Дак дело наше стариковское такое, понимать тоже надо, опеть же вы понять должны! А разве вы поймете? Как же! Даже етот пацаненок на меня смотрит волчонком! Настропалили его Ольга с Николаем на меня, настропалили! А я виноватая, что у меня такая вредина в характере, виноватая, да? Утром встала вон, увидала, что нас всех затопило, дак обрадовалась, что вам плохо будет, что на работу вы все сегодня не пойдете! А зачем мне все это надо - и сама не знаю! Тут узнала, что Борис Анатольевич вроде как помер, так меня будто черт в бок толкнул: а кому его вещи достанутся? а кому его телевизор достанется?... А потом пришла к себе в комнату и думаю: «Да сто лет мне сдалось это богатство! «Да пошто оно мне нужно-то?! Помру вот и никто меня добрым словом не помянет, никто меня не похоронит, как следует, никто не скажет доброго слова, что вот, мол, перестало биться сердце человека...

ДИНКА. *(испуганно.)* Нина Николаевна, успокойтесь...

МАНЕФА. Нет, Динулечка, мне спокойствия! Нету! Нет, моя солнушка, нет, моя хорошая! Никто меня не любит, никому я не нужна! У тебя, опять же, просила надысь пачку маргарина - ты принесла? Не-ет... Будто позабыла! А не подумала, каково мне,

старой, тащиться в такую даль в лавку, не подумала? Жалко тебе стало? Пачку маргарина пожалела? Да? Да что я вам всем такого сделала, что вы меня все так ненавидите?! За что ненавидите?! И ведь помру - никто не скажет: «Перестало биться сердце человека, гражданина Союза Советских...»

Манефа незаметно повысила голос и все снова разом выглянули из своих комнат.

ФАИНА. Да что это тут у вас такое?

ОЛЬГА. Дадут нам сегодня покоя или нет?

КОЛЯ. В чем дело?

МАНЕФА. (*страшно рыдает.*) За что вы меня все так ненавидите-е-е?! За что ненавидите-е?! Никто меня не люби-ит! Все ненавидят!!! Никому я не нужная на белом свете! Я и так несчастная, одна-одинешенька на белом свете, а вы все меня туркаете да туркаете! Вот, помру, и не похороните, как следует... И государство не позаботится, и вы не похороните... Никто ко мне на могилку не придет... А может, и могилки-то моей не будет? Вовка-охламон возьмет меня - да и на газ! В печке сожге-от! В печке меня, бедную, сожге-от! А-а-а-а!!!!

ВОВКА. (*грустно.*) Тихо, товарищи, Нина Николаевна отходит...

МАНЕФА. И прозвище придумали страхолюдное - Манефа! Какая я вам Манефа? Разве Манефы такие? Манефы другие! А я всю жизнь рóбила, рóбила и вот - зарóбила: прозвище Манефа, да пенсию тридцать три рубля! И пол заставляю мыть, а я нагнуться не могу! Ты, ты, ты, ты, Фая, пол меня заставляешь мыть, а я нагнуться не могу! Пошто ты меня так мучаешь?! А ты, Дина, на колонку меня заставляешь бегать для умывальника! А ты, Ольга, пацаненка на меня настропалешь! А ты, Вовка, издеваешься надо мной, как над дурочкой! Всю жисть рóбила, рóбила и вот, зарóбила...

ФАИНА. Брось, тетя Нина, ты чего это так из-за ерунды всякой убиваешься?

МАНЕФА. Вам все ерунда, все ерунда, все ерунда! Ненавистники!

ОЛЬГА. Нужна валерьянка! Срочно валерьянку! (*Сыну.*) Не путайся под ногами!

ВАСЬКА. Я исть хочу.

ОЛЬГА. Не «исть», а - «есть»! В комнату!

Бросилась к себе в комнату, несет пузырьки. Динка, Фаина, Ольга ведут Манефу в ее комнату, успокаивают.

МАНЕФА. Вот помру, помру... Перестанет биться мое сердце, так вам стыдно-о-о станет, что в гроб меня свели...

Ушли.

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

Вовка, Анвар, Николай сидят рядом на крыльчке, по-мужски серьезно и сосредоточенно курят. Думают, вздыхают. Васька сел с ними рядом, тоже в такую же позу. Также «курит» - щепку. Солнце светит ярко-ярко. Тепло. Тихо.

КОЛЯ. Первый раз вижу, чтобы она ревела... Ну, то есть, плакала... Вообще-то, она старуха ничего...

Пауза. Все прислушиваются к крикам из комнаты Манефы.

ВОВКА. Все мы ничего, пока спим зубами к стенке... (*Пауза. В сердцах.*) Да что же это такое, язви его в корень! Ни подходу, ни выходу! Устроили нам тут братскую могилу! Детишкина мать!

АНВАР. Сколько там время?

ВОВКА. Для тех, кто еще не вступил в «Общество трезвости», сообщаем: местное время четырнадцать часов... Ее, вообще-то, жалко, старуху-то... Одна ведь совсем.. И чего вот мы, правда, все грыземся и грыземся?

Пауза.

АНВАР. Моя смена через час кончится.

КОЛЯ. У-у! Вспомнил! У меня в школе уроки час назад кончились!

Пауза.

ВОВКА. У вас там что в школе говорят: будет война или нет?

КОЛЯ. Война? Ну, откуда! *(Пауза.)* Хотя все может быть...

ВОВКА. Да, вооружаются они все, гады, вооружаются... И как они там в Америке живут - не понимаю... Удивляюсь просто! Ведь там же из-за каждого угла стреляют, ведь из-за каждого же... У нас хоть, слава Богу, такого еще нет... А вот мне - все равно: будет война или нет. Мне лично. Вот если бы у меня дети были бы, тогда - другое дело, тогда бы я боялся, а так - за свою шкуру - я не боюсь... Помру, так помру... Вот если бы дети были бы...

КОЛЯ. *(сердито.)* Ну-у, еще один начал плакаться! Ты еще скажи, что за воротник заливаешь только потому, что Фаина тебе детей не нарожала!

ВОВКА. А ты что думал? Только из-за этого! Еще из-за чего?

КОЛЯ. Знаешь, Владимир, не обижайся, но я тебе так скажу: в книжках и в газетах пишут, что каждый алкаш свое пьянство объясняет каким-нибудь несчастьем в личной жизни, ясно?

ВОВКА. Да неспособная она, не-спо-соб-на-я! Понял?

КОЛЯ. Васька, а ну пошел отсюда!

ВАСЬКА. У!

КОЛЯ. Кому сказал? *(Васька ушел, но вскоре потихоньку вернулся назад, слушает, незамеченный.)*

КОЛЯ. Не пил бы, тогда она, конечно, согласилась бы, а так -зачем? Зачем нужны дебилы? Ты знаешь, сколько у нас в стране школ для полунормальных?

ВОВКА. Нет, не потому! Я пью, выпиваю, то есть, только из-за этого, понял?

КОЛЯ. У Анвара детей нет - он пьет? Слышишь, Анвар?

ВОВКА. Анвар - другое дело! Он армянин - раз! Таксист - два!

КОЛЯ. Ну и что, что таксист?

ВОВКА. Не перебивай! Таксист - два! И он -примак, это три!

АНВАР. Слушай, что такое «примак», да? Примак, примак?

ВОВКА. Примак? Ну, как бы тебе объяснить, чтобы ты не обиделся? Примак это... Это вот когда баба мужика принимает! Ну, к себе, на довольствие, что ли, ставит. Понимаешь?

АНВАР. Слушай, я деньги ей все передаю, да? Какое тут удовольствие?

ВОВКА. Да нет, не понял ты! Ну, проще так: у мужика ничего нету, а у бабы квартира там... ну и все такое прочее. Вот он и идет к ней в примак. Понимаешь?

АНВАР. Это - квартира, да?

ВОВКА. *(помолчал, подумал.)* Ну, не я это придумал, так в народе говорят. Ясно? Про что это мы говорили? А-а! Про детей! Это тебе, Коля, надо знать: поскольку он примак, то ему детей иметь нельзя, понял?

АНВАР. Слушай, что ты говоришь? Она не хочет. Дина не хочет! Говорит, квартиру надо, говорит, удобства надо. Говорит, пока молодая - не хочу пеленок, колясок... Говорит: пожить хочу! Я что ей скажу? Я ее люблю, да! Люблю!

ВОВКА. А ты-то хочешь?

АНВАР. *(помолчал.)* Пеленок не хочу, да. Маленького мальчика хочу, да. Или девочку...

ВОВКА. *(услышал то, что хотел.)* Во-от! А?! Как зажала мужика! А?! Где видано, чтобы баба мужиком командовала?! Ты вот, Анвар, возьми и поставь ей заказ, понял?!

АНВАР. Какой заказ?

Вовка шепчет что-то на ухо Анвару. Коля хохочет. Анвар хмурится.

ВОВКА. Понял?

АНВАР. Ты думаешь?

ВОВКА. Действуй! И все дела! *(Мечтательно.)* Эх, знал бы ты, какое это счастье - иметь детей!

КОЛЯ. Ага. Счастье.

АНВАР. *(грустно.)* Я знаю. У меня двое. Мальчики.

ВОВКА. Ка-ак?! Где ты успел?! Там, что ли? В этой... в Армянии, что ли? В горах, да?

АНВАР. Слушай, почему в горах, да? На равнине, в городе! Если Армения - вся в горах, да? Если Армения - сразу чебуреки?

Пауза.

ВОВКА. Дак чего ты сидишь тут? Почему туда не едешь? Почему живешь с этой... с Динкой?

АНВАР. *(совсем грустно.)* Я ее люблю. А ту, жену - не люблю. Слушай, у нас свободная страна: хочу - люблю, хочу - не люблю... Я весь свет объехал, везде был, все видел - лучше Дины никого нету, да!

Пауза.

КОЛЯ. Да, любовь зла...

ВОВКА. Не мыркай! Не мыркай, Николай! Только бы вот подзуживать, только бы вот под кожу лезть! Пусть скажет! Может, никто никогда его не послушает, а мы - слушаем! Пусть выговорится! Пусть скажет! Давай, Анвар, говори, говори!..

АНВАР... Мне было семнадцать лет, когда я увидел ее. В городском парке шли танцы, было много девушек в белых платьях, был выпускной вечер в школе... Но она была самая красивая, самая белая, самая лучшая... Я проводил ее до дому, она смеялась всю дорогу... В темноте я видел ее белое платье, белое-белое, как будто платье летело над землей... Я стал ходить к ней каждый вечер, к ее дому, чтобы увидеть ее хотя бы издалека. Она смеялась надо мной, она не замечала меня, вокруг нее всегда было много молодых ребят... Так прошло все лето, а я не сказал ей и одного слова, самого главного... Осенью я уходил в армию, меня побрили наголо, и я пришел к ее дому и сказал ей: «Милая моя, родная моя девочка! Я ухожу, но если ты будешь ждать меня два года честно, я вернусь и ты станешь моей женой! «.. Я ушел, а она плакала горько-горько и кричала мне вслед: «Анварчик-джан, я давно-давно люблю тебя, но не смогла тебе сказать этого! Милый Анварчик, возвращайся быстрее назад домой, целый и невредимый, я буду честно ждать тебя! «.. И я ушел в армию. Я был шофер, возил полковника на черной-черной «Волге»... Ездил по городу, видел много-много красивых девушек в белых платьях...

Вовка заплакал навзрыд.

Они были так красивы, что к вечеру я уже не различал сигнал светофора - где красный, где зеленый, и в казарму приходил совсем-совсем разбитый... Пролетели два года и я вернулся к своей любимой. Она ждала меня и встретила со слезами: «Анварчик, милый и дорогой! Я хочу иметь от тебя ребенка!.. «И тогда мы с ней поженились и у нас родились два мальчика...

Анвар вдруг запел какую-то длинную и протяжную мелодию, очень-очень грустную. Вовка, размазывая слезы, тоже подвывает, но только: «Нелюдимо наше море... «Анвар вывел последнюю ноту. Сидит, закрыв глаза.

ВОВКА. *(вытер слезы.)* Вот это - любовь! Вот это я понимаю, да! Вот так вот живут люди, да! И что же ты... ушел от нее? Изменила?!

АНВАР. *(вздыхнул.)* Красиво, да? Нет, Вова, так не было. Это я все придумал. Вот.

ВОВКА. *(ошарашен.)* Навра-а-ал?!

АНВАР. Слушай, почему наврал, да? Одно дело - наврал, другое дело - придумал... Так - красиво. Жизнь - грязная, а хочешь, чтобы было все вот так, красиво чтобы было все...

ВОВКА. Дак ребенки-то у тебя есть или это тоже... красиво?

АНВАР. Есть, слушай! Мой отец сказал: «Я хочу, чтобы моя невестка играла на пианине! «Я послушался отца! Такой закон, слушай, да! Моя жена играла на пианине в консерватории, а потом на нашей свадьбе! Через год отец умер, и я разошелся с женой. Я ушел от нее! Я поехал по белому свету, да! Ей важнее играть на пианине, чем жить со мной! А я хочу красивой совместной жизни... Дина - такой человек...

КОЛЯ. *(пораженно.)* Динка?!

АНВАР. *(грустно.)* Вы ее совсем не знаете. Она совсем-совсем хорошая. Она - не такая. Она - другая. Она - хорошая. Я ее сильно люблю... Только не хочет иметь детей! *(Зло.)* От примака, да? От примака? Поэтому? Да?

Все молчат, вздыхают. Анвар поет песню. Коля подошел к двери Манефы, послушал, заглянул в комнату.

КОЛЯ. Вроде, успокоили...

Вышли Динка, Фаина, Ольга.

ДИНКА. Ну, чего вы тут сидите? Анварчик, хватит сидеть тут! А ну, быстренько в комнату, быстренько!

Анвар вскочил.

АНВАР. *(кричит.)* Слушай, Дина Васильевна, я больше не могу молчать! Я тебе сейчас все скажу! При всех, не стесняясь никого! Хватит! Слышишь ты меня?

ДИНКА. Да ты чего это, Анварчик? Чего это с тобой? Ты че это разошелся, че разговорился?

АНВАР. Если у нас не будет детей, я уеду! Пусть мне будет плохо без тебя, пусть я буду умирать без тебя, да! Но я больше не могу так! У всех дети, дети, а мы - как эти!

ВОВКА. Правильно он тебе говорит! Правильно!

ФАИНА. Вы чего это тут разорались? Вы чего, белены объелись? Ты чего орешь? С печки упал? Я тебя шас быстро приведу в порядок, ну?

ВОВКА. Помалкивай, давай, мне тут!

АНВАР. Правильно он говорит! Помалкивай... те!

ВОВКА. Ты почему мне не рожает? Тоже? Почему? Почему, ну?

АНВАР. *(Динке.)* Я тебя очень люблю, но я так больше не могу жить! *(Плачет.)*

ВОВКА. *(Фаине.)* Сколько я тебя буду терпеть, до каких пор все это будет продолжаться?

АНВАР. Я без тебя жить не могу, но - хватит! Деньги, деньги, деньги! *(передразнивает.)* «Давай машину купим, давай квартиру купим, давай, давай! Потом, потом!» Надоело!

ВОВКА. Я тоже устаю на работе! По двадцать унитазов в день чищу! Я хочу придти домой и чтобы у меня дом был, а не халабуда какая!

АНВАР. Зачем нам все это надо? Кому вся это нужно? Эти деньги, эти одежды, это тряпки! Кому?!

ВОВКА. А то придешь домой - как в цыганскую хату заходишь!

АНВАР. У меня кончились силы, я хочу, чтобы у нас с тобой были дети!

ВОВКА. Почему ты не рожает мне? Так и проживем с тобой пустоцветами на свете!

Накричались, наорались. Замолкли. Плачут. Не знают, что делать: ни мужики, ни бабы.

ДИНКА. *(вдруг.)* Ага? Ага?! Ага?! Ах ты так, да?! Так ты, да?!

Схватила ведро, зачерпнула в луже воды, начала мыть пол в коридоре.

ОЛЬГА. Дина, Дина, успокойся...

ДИНКА. Не трогайте меня! Никто пусть меня не трогает! Уйдите все отсюда! Я во всем виновата, да? Я сама вымою! Уйдите все! Я сама!

Ревет, слезы катятся градом. Что-то кричит. Фаина вдруг тоже заревела белугой, схватила веник, принялась подметать крыльцо - пыль стоит столбом.

ФАИНА. *(кричит.)* Уходите отседова! Все уходите отседова! Моя очередь мыть пол в коридоре! Все уходите отседова! Все! Все!...

ВОВКА. Фая... Фаечка... Фаюшенька...

ФАИНА. *(кричит.)* Уйди отседова! Все уходите отседова! Гад проклятый! Это ты, ты, ты мне всю жизнь поломал, искалечил! Ты! Всю жизнь!

Обе что-то кричат, режут, моют и метут. Обессилели, упились слезами. Вовка и Анвар бросились успокаивать своих баб.

ВОВКА. Ну че ты, моя хорошая... Ну, не плачь, моя красивая...

ФАИНА. Отойди от меня!

АНВАР. Дина, милая. я люблю тебя... Не плачь, я больше не буду так говорить...

ДИНКА. Не трогай, не прикасайся ко мне! Не трогай!

Ломались, ломались, но, наконец, целуя и обнимая, Анвар уводит Динку к себе, и Вовка Фаину - к себе.

ГРОМАДНАЯ ПАУЗА.

На крыльце стоят Ольга и Николай. Васька тоже где-то в сторонке, молчит. Коля вздохнул несколько раз, приобнял Ольгу, но та вдруг ка-а-а-ак бацнет его по щеке. Завопила:

ОЛЬГА. Не трогай меня!!!! Не прикасайся ко мне!!!!

Страшно заревела и пошла к себе в комнату. Николай, ошарашенно потирая щеку, - тоже следом, успокаивать.

Во всех комнатах - то стихая, то повышаясь, - стоит жуткий рев. Но вот рев как-то прекратился. Теперь уже слышится шепоток, хихиканье. Заскрипели кровати, задрожала мебель в комнатах... Нда-а.

Васька сидит на крыльце, вертит головой то на одну дверь, то на другую. Посидел, посидел, встал, взял веник, начал подметать крыльцо.

Вышла Манефа, Ваську не замечает. Встала, смотрит вдаль.

МАНЕФА. *(вздыхает.)* Господи... Царица Небесная... Прибери уж ты меня скорее, Христа ради прошу тебя...

ВАСЬКА. *(подшел сзади, громко:)* Тетя Нина!

МАНЕФА. Фу, Господи, испужал!

ВАСЬКА. А папка с мамкой - подрались! Мамка ка-ак даст папке по личности!

МАНЕФА. *(села на крыльцо.)* Как тебе не стыдно такие слова-то говорить? Где вот ты научился таким похабным, бессовестным...

Васька подошел сзади, обнял Манефу за шею ручонками, прижался.

ВАСЬКА. *(тихо.)* Тетя Нина, а че вы плакали?

МАНЕФА. Да так, Васенька... Да так... Так...

Явственно слышится гул трактора.

ВАСЬКА. Гляньте, гляньте, тетя Нина! Бульдозер едет! Красненький! Видите? Во-он там!

Манефа всматривается в даль.

МАНЕФА. Правда, бульдозер... Сюда едет... К нам едет...

ВАСЬКА. *(прыгает.)* Буль-до-зер! Буль-до-зер! Буль-до-зер! Буль-буль!!!

МАНЕФА. Так это же... Так это же... *(Побежала в коридор, стучится во все комнаты.)* Люди-и-и-и! Люди-и-и-и! Гляньте-кося! Люди-и-и-и! Смотрите-е-е! Это Борис Анатолич едет! Спасать нас едет! Нас спасать! Люди-и-и-и! Суседушки дорогие! Борис Анатолич едет на бульдозере! Сюда! Сюда!!!...

Все выскочили на крыльцо, встали, смотрят в даль.

ДИНКА. Дак правда, едет... Успею еще на работу-то, а?

Потарахтело, потарахтело, Васька порадовался, попрыгал.

Все скоро поняли, что спасения - нет...

ВОВКА. (после паузы.) Бульдозер, бульдозер... Ну что, как запалошные? Нету Бориса Анатольевича, уехал он в другой город... Да даже если бы и приехал, ну как он нас отсюда выковырит? Даже если бы и захотел... Тоже мне... Черте че...

ТИШИНА

Чирикают воробьи. Все вздыхают. Смотрят перед собой.

Все словно всматриваются в то, что целыми днями перед их глазами.

Было, есть и будет...

ОЛЬГА. (грустно.) А смотрите, какая береза интересная... Листья облетели, я и увидела... У нее верхушка сломалась, а она все равно - растет... И росточков - штук семьдесят... (Вытерла слезы.)

ФАИНА. Больше..

ОЛЬГА. Будто стало у березы не одна вершинка, а несколько...

МАНЕФА. Это олонись снег сломал березу... Олонись снегу было - страсть...

КОЛЯ. Да не в прошлом году, а в позапрошлом. Я помню...

МАНЕФА. Может быть, и так... Я уж не помню ничего.. Все стала забывать, все... (Пауза.) А березу эту кто сажал? Забыла вот тоже...

ФАИНА. Сама выросла... Семечко залетело...

ВОВКА. Туалеты надо побелить...

ФАИНА. Побелим... Вода спадет и - побелим..

ДИНКА. А вот клен этот мама сажала. Я даже помню еще... Ну, какая же я, а? У мамы на могилке с родительского дня не была... Надо будет, как вода спадет - сходить... Что же я такая, бессовестная...

МАНЕФА. И меня с собой возьми, Дина.. Я тоже схожу. Я Варвару Константиновну очень уважала... Хорошая была женщина, работающая...

ДИНКА. Там, наверное, на могилке - листьев...

Васька встал в центр, принялся читать считалку. Все почему-то вперились в него глазами и внимательно слушают то, что он говорит.

ВАСЬКА. На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой? Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей!

МАНЕФА. Дитя-то пуще нас мается.

ВАСЬКА. Ну, кто, тетя Дина? Кто ты будешь? Ну?

ДИНКА. Царь.

ВАСЬКА. А дядя Анвар? Ну кто, а? Ну, скажи?

ДИНКА. Царевич.

АНВАР. Ага. Царевич.

ВАСЬКА. Папка, а ты кто? Ну, папа?

КОЛЯ. Король.

ВАСЬКА. А мама?

КОЛЯ. Она будет королевич.

ВАСЬКА. Значит, дядя Вова будет портной, а тетя Фая - сапожник?

Все смеются.

ВОВКА. Не, наоборот. Я - сапожник, а тетя Фая - портной. Потому что я выпиваю, как сапожник, а тетя Фая - шьет. Вот она и портной.

ВАСЬКА. А тете Нине не досталось...

КОЛЯ. Тете Нине не досталось и тебе...

МАНЕФА. (поджала губы.) Ну уж, кто я - ясно.

ФАИНА. Да ладно тебе, Нина Николаевна, прибедняться! *(Громко.)* И чтоб никто - слышите? никто! - не смел ее больше называть Манефой! Или тогда я сама буду с ним разговаривать!

ВОВКА. *(Ваське.)* А ты кем будешь?

ВАСЬКА. Я? Летчиком!

ВОВКА. Лед с озера возить будешь, что ли?

ВАСЬКА. *(весело.)* Не-е-е! На небе! Выше крыши!

КОЛЯ. *(проверил палкой дно.)* Нет, не уходит вода... Еще с неделю нам тут сидеть... Ну да, завтра что-нибудь сообща придумаем...

ОЛЬГА. Ага. Завтра. Сегодня уже устали...

ФАИНА. И не говори, Оля. Вроде, не делали ничего. а устали... *(Пауза.)* А если бы он и правда приехал-то, Борис-то Анатольевич, а? Вот здорово было бы, а?

КОЛЯ. Не смей меня, Фая. Ну, ладно, ну, приехал бы он, сумел бы нас как-то освободить. Ну, куда мы сейчас все? Уж ночь скоро, на небе цыганское солнце вот-вот появится, куда мы?

ДИНКА. Ой, я бы в магазин! Успею еще, может быть? У нас Идея Никандровна такая строгая - ужас!

ВОВКА. Как?

ДИНКА. Заведующая наша, Идея Никандровна...

ВОВКА. А почему не Земфира Трофимовна? И чтоб фамилия была подходящая. Вроде - «Табуреткиной»...

АНВАР. Я бы - в парк. Вторую смену работать некому...

ОЛЬГА. Мы бы в школу с Колей сбегали... Как там они без нас? Ужасно, ужасно! Дети дурачатся, радуются, наверное, что учителей нет... Кошмар, ужас какой-то...

НИНА НИКОЛАЕВНА. *(обратите внимание, что она уже не «Манефа.»)* Я бы за грибочками сбегала... Еще рано, еще поспела бы к вечеру...

ФАИНА. И я с тобой, Нина Николаевна... В лесу-то сейчас как здорово, а?

ВОВКА. Стойте, стойте, побежали они! Так в горисполком еще успеем, а, дорогие соседи? Кто кричал, что в гори-сполком, в гори-сполком надо, чтоб аж хвост трубой, а? Что же вы?

Пауза.

БОЛЬШАЯ-БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

Все долго, долго смеются друг над другом.

НИНА НИКОЛАЕВНА. Сходим... Опосля...

ДИНКА. После...

АНВАР. Ну...

КОЛЯ. Потом...

ОЛЬГА. Как-нибудь уж...

ФАИНА. Чего там...

Пауза.

И тут, по замыслу Автора должно вдруг произойти нечто невероятное.

Что именно?

А вот что:

Вовка спустился с крыльца, прошел через лужу «аки по суху», подошел к краю сцены, к рампе, и сказал зрителям:

ВОВКА. Эх, люди вы мои, люди... До чего же я вас всех люблю, чертей полосатых... Любимые вы мои, дорогие и милые мои - Человеки...

И запел, смахнув слезу:

«... Нелюдимо наше море...
День и ночь шумит оно...
В роковом его просторе...
Много бед погребено...»

*ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС*

КОНЕЦ

сентябрь 1986 года